Она здравствует, а о себе мне нечего писать, ты знаешь, как я живу. ~~описанное тобою сражение~~ Что же это творится там на фронте? Неужто нет людей с рассудком? Не верю я газетной информации. Армия она наспех, знаю по примеру прошлых лет. Неужто, Евгений, проиграем кампанию? С великим нетерпением жду твоего письма.

Подлинно нечего было писать старому Листницкому о своей жизни, волочилась она однообразная, ~~все было~~ по старому, лишь рабочие руки поднялись в цене, да ощущался недостаток в спиртном. Пан пил чаще, становился раздражительным и придирчивым. Как-то вызвал в неурочный час Аксинью, сказал.

— ~~Замечаю, что~~ Ты неисправно несешь службу. Почему вчера завтрак подан холодным? Почему стакан к кофе не чисто вымыт? Если это будет повторяться, то я тебя, слышишь ты? то я тебя уволю. Не терплю нерях! — резко махнул пан рукой, — Слышишь? Не терплю.

Аксинья крепко сжимала губы и вдруг заплакала.

— Николай Алексеевич! Девочка у меня хворает. Вы ослобоните меня, пока... От нее отойтить нельзя.

— Что с ней?

— Глотошная ее душит...

— Скарлатина? Почему не сказала, дура? Эка, черт тебя задери, шалаву! Беги, скажи Никитичу, чтоб съездил в станицу за фельдшером. Живо!

Аксинья выбежала рысью, вслед бомбардировал ее старик гулким басовым раскатом:

— Дура-баба! Дура-баба! ~~Дура~~!

Утром Никитич привез фельдшера. Тот осмотрел беспамятствующую, обнятую жаром девочку и, не отвечая на вопросы Аксиньи, пошел в дом к пану. Тот принял его в передней, стоя, не подавая руки.

— Что с девочкой? — спросил, отвечая на приветствие почтительным кивком.

— Скарлатина, ваше превосходительство.

— Выздоровеет? Можно надеяться?

— Едва-ли. Умрет девочка... Возраст, помилуйте, в ...

— Ду-рак! — побагровел пан. — Чему тебя учили! Лечи!

Хлопнув дверью перед носом напуганного фельдшера, зашагал по залу. Постучавшись, вошла Аксинья.

— Фельдшер просит лошадей ему в станицу.

Старик с живостью повернулся на каблуках.

— Скажи ему, что он болван! Скажи ему, он не уедет отсюда до тех пор, пока не вылечит мне девченку. Во флигеле отведи ему комнату, корми его! — Зарычал старик, потрясая костистым кулаком.

— Корми, как на убой, пои его, а у-е-хать... не уедет! — оборвав, подошел к окну, побо-